

Н.А. Козько

кандидат филологических наук, доцент,
Магнитогорский государственный университет,
зав. кафедрой английской филологии и перевода

О СТАТУСЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Являясь сложной развивающейся семиотической системой и специфическим универсальным средством объективации содержания индивидуального сознания и культурной традиции, язык постоянно изменяется. В связи с этим изменяются и многочисленные подходы к его изучению. В работах последних лет приоритетным является антропоцентрический подход изучения языковых явлений.

Антропологизация научной парадигмы в лингвистике проявляется, прежде всего, в переносе акцентов на рядового человека, его обыденное сознание и повседневные практики. Лингвистика в этом многогранном объекте находит свой предмет и разрабатывает свою методологию исследований. В частности, ряд ученых (О.А. Лаптева, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская Т.В. Шмелева и др.) стали заниматься изучением и описанием разговорной речи, функционирующей в повседневной жизни.

Ценность повседневности как социально-философского понятия заключается в том, что это наиболее близкая, привычная человеку, реальность.

Такое понятие, как антропология повседневности появилось в середине XX века. Это направление стало популярным среди читателей, не имевших отношения к научным кругам. Немецкий исследователь повседневности Г.-У. Велер объясняет популярность данного направления тем, что в идее изучения маленького человека как антипода сильному миру сего, всегда находившимся в центре внимания историка, скрыт протест несправедливости, против господства бюрократии в современном обществе, против утраты простой человечности, внимания друг к другу [3].

С момента появления термина «антропология повседневности» исследование повседневности шло по трем направлениям:

- историко-антропологическому, представителями которого являются Ж.Ле Гофф, А.Я.Гуревич и др.;

- социолого-феноменологическому, представленному такими учеными, как, А.Щюц, П.Бергер, Т.Лукман, И.Гоффман, Л.Ионин;

- культурно-семиотическому, в русле которого работают Ю.М.Лотман, В.В.Иванов, В.Н.Топоров, Б.А.Успенский и др.

Представители вышеперечисленных направлений разработали ряд теоретических положений, на основании которых строятся все дальнейшие исследования повседневности. К таким положениям относятся следующие:

1. повседневность рассматривается как «подлинный локус творчества, где создается как все человеческое, так и сам человек» (Л.Февр);

2. повседневность признается «верховой реальностью», через которую можно определить все другие реальности (А.Щюц, Д.Лукач, П.Бергер, Т.Лукман); повседневность анализируется как феномен культуры, другими словами, как особого рода семиотические системы (язык культуры повседневности сравнивается с другими

знаковыми системами той же национальной культуры) [9].

Обращение к повседневности, как к объекту изучения, обусловлено рядом причин. Изменение структуры социальных связей и отношений в современном обществе и темпы этих изменений влекут за собой преобразование различных сторон повседневной жизни, что не может не вызывать у человека чувство беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне, вследствие отсутствия опоры в виде традиционных форм повседневности как составляющей любой национальной культуры. Если для недавнего прошлого была характерна определенная последовательность и повторяемость событий, соотносимая с природными ритмами, то повседневность современного человека более вариативна и выстраивается не в соответствии с природными циклами, а подчас и вопреки им.

В подвижном и быстро меняющемся окружающем мире, воспринимаемом через призму каждого индивидуального сознания, повседневность является некой точкой опоры, стабильным компонентом, где все является частью определенного порядка, знакомого и разделяемого всеми. Кроме того, по мнению ученых, повседневность является одним из способов освоения мира, или способов человеческой активности [5].

Взгляды на сущность повседневности, на ее роль в жизни человека и общества постоянно изменяются. Как и любой сложный феномен, повседневность нуждается во всестороннем изучении, что, в первую очередь, предполагает выделение ее существенных конститутивных черт, которые могут быть определены лишь путем соотнесения с другими сферами человеческого опыта, например, наукой, религией, мифологией и т.д.

По мнению В. Сырова, повседневность предпочтительнее связывать не с какими-либо объектами, более доступными для обыденного познания, и не с доминирующими предметами интереса, такими как, дом, семья, работа. По его мнению, базисные компоненты обыденного мира концентрируются вокруг вопроса “как”, а не “что” [8].

Американские социологи П. Бергер и Т. Лукман выделяют следующие конститутивные черты повседневности: самоочевидность, «реальность» для обыденного сознания рядовых членов общества, другими словами, повседневным объектам и ситуациям приписывается качество независимого от воли и желания человека бытия в мире [2, с.37].

Еще одной чертой повседневности, согласно П. Бергеру и Т. Лукману является интерессубъективность, которая подразумевает, что представления, ситуации, стереотипы повседневности в равной мере знакомы всем и разделяемы всеми представителями некоторого сообщества людей.

Третьей характерной чертой повседневности является стремление к типизации как любых форм взаимодействия в обыденных жизненных ситуациях, так и самих этих ситуаций [2, с.37].

Русский исследователь повседневности В. Сыров выделяет еще ряд характерных признаков повседневности. Он считает, что основным характерным признаком повседневности, притягивающим все остальные свойства и признаки, является наглядность. В своей статье “О статусе и структуре повседневности” он пишет: «...Повседневность предполагает, что все окружающие объекты должны

восприниматься как нечто телесное, а не идеальное; как образы, а не понятия; как вещи, а не свойства или отношения; и наконец, как конституированность объекта списком ситуаций, в которых я с ним сталкивался» [8, с.153].

Еще одно свойство повседневности, вытекающее из требования наглядности – принцип полезности; другими словами, все, что не приносит пользы (что в обыденном сознании подразумевает удовольствие, противопоставленное страданию), не имеет ценности.

Размышляя о статусе повседневности в жизненном пространстве человека, П. Бергер и Т. Лукман, а также А. Шютц трактуют повседневность как высшую, верховную реальность, реальность *par excellence*, по сравнению с которой другие сферы представлены как квазиреальности [4, с.125]. Такая значимость повседневности связана с тем, что напряженность сознания наиболее высока именно в повседневной жизни: повседневная жизнь накладывается на сознание наиболее сильно, настоятельно и глубоко, что объясняется тем, что она является наиболее значимой для человека [5].

В то же время, существует и противоположная точка зрения, согласно которой повседневность рассматривается как низшая реальность, значением которой можно пренебречь. Она является лишь некой поверхностью, за которой лежит подлинная реальность [7, с.318-319.]

Еще один исследователь повседневности, В.Н. Сыров, видит в повседневности один из множества возможных способов освоения реальности человеком [8].

С точки зрения другого исследователя повседневности, повседневность – это система практических знаний, которая включает в себя знание норм поведения и общепринятого в данной социокультуре порядка действий в той или иной ситуации, для достижения той или иной цели [3].

По мнению Ю. Хабермаса повседневность – это запас «образцов толкования», передаваемый при помощи культурных традиций и организуемый языком.

В концепции А. Хеллер повседневность представляет собой совокупность правил и норм обычного языка и его употребления, правил и предписаний для использования объектов, в первую очередь созданных руками человека, и правил и норм человеческого общения, так называемых обычаев [11, р.46]. Здесь исследователь обращает особое внимание на языковой аспект повседневности.

В настоящее время данное направление становится одним из приоритетных при изучении повседневности, в связи с чем возрастает интерес к теоретико-методологическому осмыслению разнообразных проблем повседневной жизни, связанных с общением и его национальной спецификой. Тема лингвистической составляющей повседневности становится особенно актуальной в процессе филологических исследований.

Ряд исследователей подчеркивают огромную роль языка в повседневной жизни. Связь повседневности с языком очевидна и не вызывает ни малейших сомнений, так как язык представляет собой главное средство взаимодействия индивидов, следовательно, он занимает в культуре повседневности особое место [6].

А. Шютц полагал, что повседневный язык – «это прежде всего язык наименований вещей и событий», а любое наименование «предполагает типизацию» [10, с.15, 285].

Х. Абельс обращает внимание на то, что «язык повседневности расплывчат, но это не является недостатком... Это облегчает коммуникацию, так как каждый может определить для себя совместную реальность» [1].

Интерес к изучению языка повседневности привел к тому, что в последнее время появились такие термины, используемые для обозначения качественного нового состояния науки о языке, и, соответственно, нового подхода к его изучению, как «неолингвистика» (Седов), «лингвистика языкового существования» (Гаспаров), «лингвистика каждого дня» (Норман) [5].

Необходимо помнить о том, что повседневность является всего лишь одним из ракурсов рассмотрения как общества в целом, так и отдельно взятого человека. Изучение повседневности, а именно языка повседневности, должно быть дополнено другими научными подходами, исследующими различные аспекты жизни человека.

Повседневность представляет собой тот фундамент, на котором строится все остальное, без ее изучения невозможна ни одна гуманитарная наука. Естественные науки, изучающие мир, окружающий человека, повседневность не изучают [3].

Подводя итог, можно сказать, что повседневность предстает как важный и актуальный пласт культуры, в изучении и описании которого достигнуты определенные результаты. Но нельзя забывать и о том, что многие лингвистические и лингвокультурологические аспекты и проблемы, связанные с обыденной жизнью среднего человека – представителя определенной культуры, остаются неисследованными. Это открывает перспективу для дальнейших исследований и научных дискуссий.

Список использованной литературы

1. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Том 1. Вып. 1. [Электронный ресурс] <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a10.html#2.2>
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – 323с.
3. Гатаева Б.Т. Концепции повседневности в зарубежной культурологии [Электронный ресурс] <http://paradigma.narod.ru/03/gatayeva.html>
4. Григорьев Л.Г. Социология повседневности Альфреда Шюца // Социологические исследования, 1987. №1. – С.123-129.
5. Колмогорова А.В. Аргументация в речевой повседневности: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 148с.
6. Паниткова Э.Ю. Язык как неотъемлемый компонент повседневности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. Том 1. № 3. – С. 72-76.
7. Современная западная философия: Словарь. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: ТОН. – Остожье, 1998. – 544с.
8. Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности // *Личность. Культура. Общество.* – 2000. Т.2. Спец. выпуск. – С. 147-159.
9. Чулкина Н.Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: автореферат ... доктора филол.наук. – М.: 2005. [Электронный ресурс] <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/220423.html>
10. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1998, № 2. – С. 129 – 137.
11. Heller A. Can Everyday Life be Endangered? // Heller A. Can Modernity Survive. – T.J. Press Ltd, Padstow, Cornwall, 1990. – p.43-60.